Натали Рош

Глаза в болоте, или Хранитель тины

Натали Рош

Глаза в болоте, или Хранитель тины

«Автор»
2026

Рош Н.

Глаза в болоте, или Хранитель тины / Н. Рош — «Автор», 2026

В Большом Сыром Болоте, рядом с отелем «Болотный дракон» — заведении, которое стоит на краю цивилизации и держится на честном слове, тине и упрямстве своего управляющего, — обитает существо размером с лодку, мягкое, как подушка, с двумя жёлтыми глазами и свечением, как у гнилушки. Оно живёт в пещере под прудом, ест водоросли, говорит «хм» и триста лет смотрит на мир снизу. Оно хранит тишину и спокойствие. Для себя и знакомого дракона. А когда в пещеру спускаются обитатели отеля — шумные, странные, живые и не очень, — оно обнаруживает, что хранить тишину можно не только для себя. И что иногда, чтобы сохранить покой, нужно выйти из пещеры назло своим страхам и памяти, которая иногда подводит.Сможет ли существо, которое триста лет смотрело на мир из темноты, выйти на свет — и остаться собой, а не превратиться в «достопримечательность» для гостей и «экспонат» для тех, кто привык всё раскладывать по полочкам?

© Рош Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тот, кто не помнил 5
Конец ознакомительного фрагмента. 7

Натали Рош
Глаза в болоте, или Хранитель тины

Глава 1. Тот, кто не помнил

Он не помнил, откуда он взялся. Он помнил только воду. Тёмную, тёплую, густую, как кисель. Он помнил, как она держала его, когда он был ещё маленьким — размером с ладонь, — и как он смотрел вверх, на свет, который пробивался сквозь толщу воды. Свет был зелёным. Потом жёлтым. Потом белым. Потом снова зелёным. Он не знал, что это значит. Он просто смотрел.

Он не знал, кто его создал. Может быть, болото само. Может быть, кто-то из древних магов, а потом ушёл и забыл. Он склонялся к первой версии. Она ему нравилась больше.

А потом на болоте поселилась кикимора. Мелкая, юркая, хихикающая. Она назвала его Утопец. Не потому, что он утонул, а потому, что он умел сидеть под водой так долго, будто утонул. На самом деле он просто задумывался. Кикиморе было скучно с ним, и скоро она исчезла. А имя осталось.

Утопец был существом древним и совершенно бесполезным. Он жил в пещере под прудом столько, сколько себя помнил, — а помнил он себя плохо, потому что память у него была как решето, только вместо дырок — лягушки. Он был большим, мягким, покрытым тиной, и светился в темноте слабым зеленоватым светом, как гнилушка, которая решила стать маяком. Глаза у него были огромные, круглые, жёлтые, и он любил их таращить. Не для устрашения. Просто ему нравилось смотреть.

Он рос медленно. Очень медленно. Как всё в болоте. Сначала он был размером с ладонь. Потом с кочку. Потом с корягу. Потом с лодку. Потом перестал расти — не потому, что не хотел, а потому, что пещера была маленькой. Он не хотел её расширять. Ему нравилось, что она маленькая. В маленькой пещере уютнее.

Когда-то давно, триста лет назад, в пещеру спустился человек. Молодой, сильный, с бородой, в короне. Человек нёс сундуки. Много сундуков. Складывал их в пещере. Утопец смотрел на него из темноты и не мешал. Человек оставил сундуки и ушёл. Потом вернулся ещё раз — уже без сундуков, но с чем-то тяжёлым на душе, сел на корягу и просидел так три дня. Утопец смотрел на него и молчал. Он не умел говорить. Тогда ещё не умел.

Человек ушёл. Больше не вернулся. А сундуки остались. Утопец их не трогал. Они были холодные и блестели. Он смотрел на них, как смотрят на огонь в камине, — без жадности, просто чтобы было на что смотреть.

А потом над пещерой поселился дракон. Большой, ленивый, со слипшимися крыльями. Мокрун. Утопец сначала волновался, потом привык. Дракон спал, пускал пузыри и иногда кашлял. Утопец подозревал, что дракон тоже не знает, откуда он взялся. Они были чем-то похожи. Не внешне. Но если бы кто-то спросил, как он выглядит, он бы сказал «хм». Потому что он не знал. В пещере не было зеркал, а вода, в которой он жил, была слишком тёмной, чтобы разглядеть в ней собственное отражение.

А если бы кто-то всё-таки описал его, вышло бы примерно следующее: «Утопец был круглым, мягким и совершенно нестрашным — как подушка, которую слишком долго держали в сыром подвале. Он был наполнен спокойствием, которое копилось в нём всю его долгую жизнь. Голова у него была большая, покрытая тиной. Внутри головы — любопытство. Просто любопытство, без примесей. Оно там плескалось, как вода в бутылке. Иногда он забывал, что у него есть голова, и стукался ею о своды пещеры. Из головы торчали два подвижных глаза. Огромные, круглые, жёлтые глаза, как два фонаря, которые забыли выключить. Тело было как

у улитки — студенистое, с длинной мантией, которая волочилась за ним по дну и собирала на себя всё, что плохо лежало: ракушки, коряги, чужие пуговицы, один раз — чей-то сапог. Он не специально. Просто мантия была липкая. Ног у него не было. Вместо них — что-то вроде широкой подошвы, которая позволяла ему медленно скользить по дну, не проваливаясь в ил. Иногда он поднимался к поверхности, и все думали, что это коряга. Он не обижался. В темноте он светился слабым зеленоватым светом. Как лампа, которую забыли выключить. Как что-то, что живёт в темноте и не хочет, чтобы его боялись. Свет шёл изнутри, откуда-то из глубины тела, и в темноте пещеры это было красиво. Утопец этого не знал. Он не видел себя со стороны. Голос у него был тихий, шелестящий, как будто говорили не связки, а вода, перекатывающаяся по камням. Он редко говорил. Но когда говорил, то говорил медленно, будто каждое слово нужно было сначала найти на дне, потом поднять, потом отряхнуть от тины. Говорил он в основном «хм» и «а». Но в этих «хм» и «а» было больше смысла, чем в иных речах. Иногда он забывал, что у него есть голос, и молчал неделями. Пах он тиной и водорослями. Не противно, а уютно — как старое одеяло, которое пахнет домом. Иногда — чем-то сладким, как будто в пещере кто-то варил компот. Откуда шёл этот запах, Утопец не знал. Он вообще не знал, что пахнет. Ел он водоросли. Много. Медленно. С достоинством. Его любимое время: когда в пещере было тихо, никто не шумел и не плескался. Тогда он раздувался от удовольствия и светился ярче».

Испугался он только однажды: когда Мокрун утопил чужого дракона прямо у него над головой. Это было шумно. И странно. Он тогда зажмурился и сидел с закрытыми глазами три дня.

Утопец очень любил свою пещеру. В маленькой пещере всё было под рукой — или под подошвой, если у тебя нет рук. Вода здесь была тёплой, водоросли — мягкими, а тишина — такой густой, что её можно было резать ножом. Если бы у него был нож. Ножа у него не было. Но тишина всё равно была хорошая.

Чем он занимался? Утопец не делал ничего. Это было его главное занятие, и он им гордился. Он сидел на дне пещеры, светился зелёным, ел водоросли и смотрел. Смотрел на сундуки. На воду. На пузыри, которые поднимались вверх. На лягушек, которые иногда заплывали в пещеру — не специально, просто по глупости. На дракона, который спал наверху и иногда кашлял так, что с потолка пещеры осыпались ракушки и камушки.

Иногда он поднимался к поверхности. Медленно. Очень медленно. Выставлял из воды два глаза — и смотрел. На болото. На туман. На солнце, которое всегда вставало криво. Утопец подозревал, что солнцу здесь просто не хочется вставать. Он его понимал.

Иногда он говорил «хм». Это значило очень многое. Это значило «я здесь». Или «я вижу». Или «я не знаю, что это, но это красиво». В зависимости от того, на что он смотрел.

Когда пришла Лейла и начала выносить сундуки, он не возражал. Ему даже понравилось: стало просторнее. Он не знал, что о нём заговорили. Не знал, что его большими глазами начали пугать. Он просто сидел в темноте, светился, смотрел и ждал. Сам не зная чего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.